

Ясвоин Нинель Михайловна
Участник проекта "Я из прошлого протягиваю мост... "

«КОГДА НАЧАЛАСЬ ВОЙНА, Я СРАЗУ СТАЛА ВЗРОСЛОЙ»

Папа¹ мой работал директором завода «Светлана» и завода «Красная заря», был членом обкома, горкома, делегатом расстрельного XVII съезда партии², прошел гражданскую войну, ордена получал. Все у нас было хорошо, но тут убили Кирова, все с этого и началось.

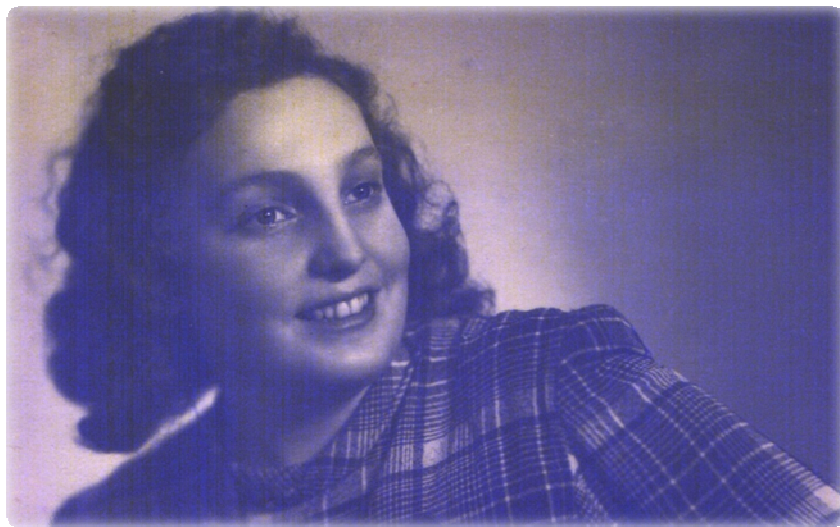
---

¹ Ясвоин Михаил Вениаминович, 1892 г. р., уроженец г. Тула, еврей, член ВКП(б) в 1917-1937 гг., окончил Электротехнический институт (ЛЭТИ), директор завода "Светлана" в 1930-1933 г., директор завода "Красная заря". В 1937 г. директор завода "Динамо" им. Кирова, член Совета при Наркомтяжпроме. Военной коллегией Верховного суда СССР 9 декабря 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Москва 9 декабря 1937 г. (Спецобъект НКВД "Коммунарка".) http://vizz.nlr.ru/search/lists/all/255_16.html

² XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) — проходил в [Москве](#) с [26 января](#) по [10 февраля 1934](#). Также известен как «*Съезд расстрелянных*», так как большинство его делегатов было репрессировано в годы [Большого террора](#).
http://ru.wikipedia.org/wiki/XVII_%F1%FA%E5%E7%E4_%C2%CA%CF%28%E1%29

Нинель Михайловна Ясвоин, 6 месяцев, январь 1929 года. Ленинград.

Нинель Михайловна Ясвоин, 1950 год.

Потом Орджоникидзе³ забрал папу в Москву, устроил его туда директором крупного завода «Динамо». Точно не помню, но, по-моему, это был 35-ый год, мы переехали в Москву: папа, мама, брат, я, домработница и учительница моя, Надежда Владимировна, которая учила меня благородным манерам: музыке, танцам, немецкому языку. Папе дали пятикомнатную квартиру, мы стали жить в

³ Григорий Константинович Орджоникидзе известный грузинский большевик и видный советский государственный и партийный деятель, [революционер](http://ru.wikipedia.org/wiki/%CE%F0%E4%E6%EE%ED%E8%EA%E8%E4%E7%E5,%C3%F0%E8%E3%EE%F0%E8%E9_%CA%EE%ED%F1%F2%E0%ED%F2%E8%ED%EE%E2%E8%F7).

Москве. Два года все было спокойно. А в 37-м году, когда мне было девять лет, мы отдыхали на съемной даче под Москвой, своей дачи у нас не было. Однажды утром встаю, а в доме паника – папу арестовали и увезли, а маму забрали в город на обыск. Из всей квартиры нам оставили одну комнату – мою детскую, ну, что там было, парта, моя койка и койка моей Надежды Владимировны. Так и стали жить все вместе в одной комнате. А 4 августа 1937 года пришли за мамой, ночью, как ее забрали, я не помню, маленькая была. Еще у нас на лестнице с первого по пятый этаж всех мужиков забрали.

Семья Ясвоин, 1937 год

И началась совершенно другая жизнь, конечно. Надежда Владимировна пошла учительницей младших классов и взяла над нами опеку, потому что нас хотели забрать в детский дом. Родня была вся в Ленинграде, но они помогали нам деньгами, правда, об этом я уже потом узнала, когда стала постарше. Каждое лето я ездила в Ленинград на каникулы. Итак, 30 мая 1941 года я приехала к тете Любе – маминой сестре, у нее был сын (3 года) и муж, очень хороший. Каждое лето мы ездили на съемную дачу, которая была у нас в Шувалово, и этим летом собирались, но тетя сказала: «Будет война, не поедem пока никуда». Вот, как чувствовала, 22 июня объявили о войне. Дядю в армию не взяли, он был сердечник, поэтому он работал на благо фронта и домой он приходил крайне редко, раз в месяц, а то и реже. А тетя Люба моя оказалась беременной вторым ребенком, и вот так, с 13 лет я стала взрослой, я стала хозяйкой.

***Домработница Наташа с Нинель Ясвоин и
учительница Надежда Владимировна (портрет в
верхнем правом углу)***

Брат мой остался в Москве и ушел добровольцем на войну. До войны он работал на заводе электриком. 6 июля он ушел. Поздравил меня открыткой с Днем Рождения и написал, что шестого он уходит. Последняя открытка от него была в октябре, он писал: «Закончили учения, иду на войну, буду отстаивать честное имя папочки». И все, его не стало. Пропал без вести в октябре 1941 года под Москвой. Ему было 19 лет... Мы с мамой потом его искали, но поиски не дали никаких результатов.

Брат Юрий, 5 лет 5 месяцев, 1928 год

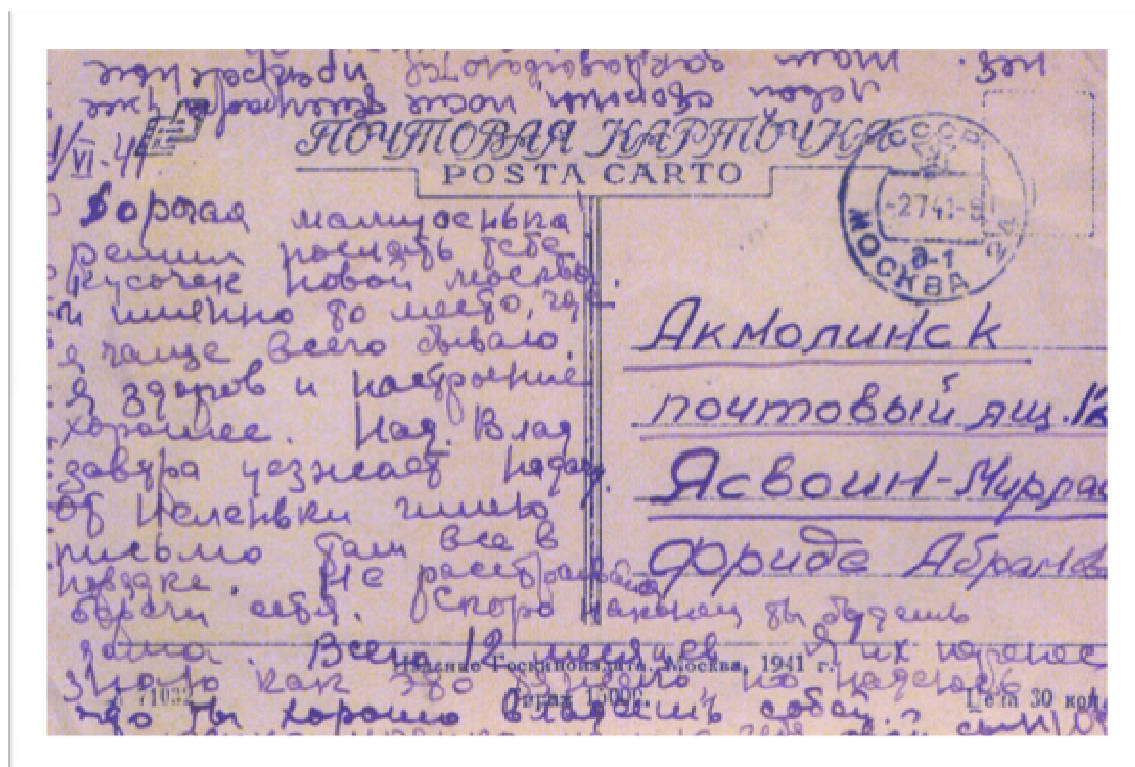
Брат Юрий, 19 лет.4

---

⁴ Ясвоин Юрий Михайлович 1922 – 1941. Урож.: г.Ленинград. Призв.: Ленинградский ГВК, г.Ленинград. Красноармеец, стрелок 1282 сп. Пропал без вести в боях под Москвой.
http://www.jmemory.org/Show_Details.asp?num=22232

Открытка брата Юрия из Москвы.

Открытка брата Юрия из Москвы.

В Ленинграде, в блокаду мы жили на улице Декабристов, недалеко от Мариинского театра, от Синагоги. Квартира была огромная, коммунальная. А дом

до войны должен был пойти на капитальный ремонт, поэтому, когда началась война, мы думали, что он от любого содрогания у нас рухнет.

Начались обстрелы. Кто-то уехал, кто-то остался. Мы жили на третьем, последнем этаже. Одна комната была проходная, а в большой комнате мы жили впятером. Моя кровать в комнате стояла у окна, после одного сильного обстрела мы обнаружили на моей кровати огромный увесистый осколок, я его долго потом хранила.

Еще был случай, рядом с нашим домом были магазины, я стояла за пайком, и тут в соседнюю очередь попала бомба – все погибли. Меня как-то хранил Господь Бог.

Так и жили, на грани смерти. 1 февраля 1942 года рождается второй мальчик. Тетя в лежку, от слабости даже встать не может, ребенок тоже никакой. Но мы его выносили, даже в условиях такого голода. У тети Любы, понятное дело, молока не было, я ходила в поликлинику за соевым молоком, так и спасли мальчика.

В общем, нас стало на одного человека больше. Опять началась другая жизнь. Дядька на окопах, приходил раз в месяц, приносил кучу грязного белья, а я это все стирала. Хорошо хоть у нас всегда была горячая вода – этим и спасались. Дело в том, что для того, чтобы греться и готовить мы поставили буржуйку. А кроме нее у нас была еще изразцовая: внизу топка, а наверху дверца. Трубу от буржуйки в топку сунули, а в дверце всегда была горячая вода. Мы и посуду мыли, и ребенка мыли, и стирали, и сами мылись. С дровами тоже проблем не было. Сарай во дворе был забит дровами, как он уцелел? Ни сгорел, ни ограбили. Это все нас спасало.

Был один страшный случай, они все на самом деле страшные, но этот в особенной степени. На стуле у нас всегда стоял чемоданчик с пеленками, сумка с карточками и документами, потому что никогда не знаешь, когда бомбить начнут. В одну из ночей началась сильная бомбежка, я схватила чемоданчик, и мы пошли в соседнее бомбоубежище. Пришли, и я хватилась, что сумки с карточками нет, оказывается, я ее забыла дома. А карточки – это же жизнь! Я тихо-тихо пошла за карточками, тетке ничего не сказала, а то она бы меня не пустила. Бомбежка была

страшная, вообще я ничего не боялась, а тут страх появился. Я тихонько поднялась на третий этаж, открываю дверь, и слышу жуткий свист. А если бомба свистит, то она падает на тебя. Я села в уголок, руками голову накрыла и сижу, а в голове стучит: «Все, все, все...». Но меня словно что-то спасло, отсвистело, рвануло где-то в стороне. Я открыла дверь в комнату, быстро взяла сумку и бежать, а все кругом вот-вот рухнет. Кое-как пришла в убежище, а меня не пускают – убежище переполнено. Я стала объяснять, кто я. Все друг друга знали, в общем, впустили. Нахожу своих, тетка в панике: «Где ты была?». Я говорю: «Ладно, со мной уже все в порядке, вот сумка с карточками». Так что это был момент конечно хороший. Ругала она меня, конечно, как не ругать, ну а что толку? Во-первых, уже дело сделано, а во-вторых, ну умерли бы мы все и что тогда. Одно дело, если б шарахнула бомба, то ладно, раз и умерли, а это ж мучительная смерть от голода. Люди лежали сутками на кровати в мучениях, а если ребенок умирал, его за окно выкладывали и все, лишь бы карточки получать. Тогда карточка – это была жизнь!

От бомбежки окна все были выбиты, чем-то закрывали их, а спали все на кухне. На кухне было огромное, колоссальное окно, оно было целым. И вот однажды, к нам во двор попала бомба, и эта рама рухнула, и нас всех накрыло. Это было зимой. Я открываю дверь на лестницу, а там все красное, все в дыму, кое-как выбрались, пошли в убежище.

Мы пошли не в наше убежище, а в убежище рядом с домом Блока, там было большое семиэтажное здание. А нас туда не пустили, сказали, что убежище переполнено. Мы вынуждены были вернуться в свое убежище, а после бомбежки узнали, что в тот семиэтажный дом попала бомба и все, кто были в подвале, погибли.

Мне дочка говорит: «Мать, тебя Бог бережет, несмотря ни на что».

Были и светлые моменты. Рядом с нашим домом был Дом Культуры первой пятилетки, там выступал театр музкомедии, и я носилась туда периодически, как только появлялась возможность, я бежала смотреть. Все что давали, все посмотрела. Хоть в этом отдушина была.

Потом еще на реке Пряжке открыли бани – это было счастье! Мылись и женщины, и мужчины и никто ни кого не стеснялся. Все ж дистрофики, какая разница, мужик ты или баба.

Вначале мы не хотели уезжать, никто же не знал, что блокада будет и что так все затянется, думали, постреляют и уйдут. А потом нас все-таки заставили уехать, трое детей как-никак.

В общем, в конце июля 42 года нам предложили уехать, а куда уезжать, уже хлеба прибавили, уже жизнь стала получше. Но делать нечего. Погрузили нас на баржу и повезли. Вот опять дело случая: слева баржу расстреляли, справа баржу расстреляли, а мы прошли в целости. Людей было очень много.

Перевезли нас через Ладогу, посадили на поезд и стали кормить. Давали кастрюльки специальные, и с ними я ходила на станциях за едой. Давали манный суп, манную кашу. Кто не удержался и ел сразу – умирали, тут же. Куда их девали, не знаю, выкидывали, наверное.

Ехали мы так месяц. Ходила я босиком, потому что сандалии порвались, а обуви больше никакой не было. У меня ноги были в крови, пили мы из лужи, и хоть бы какая холера пристала, ничего, ни разу не болела (*смеется*).

Приехали сначала в город Барнаул. На следующий день почему-то уехали в Бийск. Мы нашли там полуподвальную комнату и в ней поселились. Дядька устроился работать на завод, а мы с тетей остались на хозяйстве. И тут однажды я завшивела. Решила пойти в парикмахерскую, но парикмахерша меня выгнала. Тогда я пришла домой, поставила перед собой зеркало, взяла ножницы и все обстригла. Потом помыла голову и избавилась от этих проклятых вшей. Потом ходила в беретике, пока волосы не отрасли.

В Бийске я решила пойти опять в школу. До войны училась в шестом классе, и в Бийске я пошла опять в шестой класс, хоть что-то вспомнить. С матерью в это время мы поддерживали переписку. И вот, наступил 1943 год, лето, мать уже освободилась и стала хлопотать, чтоб выписать меня к себе. В итоге, в августе, прямо перед школой, я туда уехала к маме, в Акмолинск. Ехала, естественно, одна, ведь мне же уже 14 лет было, я уже была взрослой, блокаду пережила.

Вообще, когда война началась, я сразу стала взрослой. Приехала я к маме на базу. Там были бараки для заключенных и бараки для вольных. Там мы и встретились с мамой. Встреча была хорошая, трогательная. Она меня сразу потащила в баню, и туда набилось столько женщин-матерей! Я мыльная, голая, а тут баня набилась полная, посмотреть на живого ребенка.

Потому уж мы с мамой не расставались, и стали вместе продолжать жить.

Комсомольский билет Нинель Михайловны Ясвоин.

Нинель Михайловна с мужем Даниилом Леонидовичем, 1952 год.

Нинель Михайловна за работой.

Воспоминания записала и оформила

Ирина Носова

2013г.